

Страна выучила слово «феминизм»

Мария АРБАТОВА

Я сама

Я люблю говорить, что на передаче испортила кожу гримом и репутацию в писательских кругах. К человеку, который сидит в кресле и работает «старухой Изергиль», нельзя относиться серьезно.

В ножницах монтажа, когда из двух часов склеивается сорок минут, невозможно выглядеть так, как хотелось бы. Но я знаю, зачем я там сижу. Я человек идеологический, у меня и папа был преподавателем марксизма-ленинизма в генеральском чине, я и росла среди его книг, и училась на философском факультете. Передача «Я сама» — место, где я могу запускать в обращение феминистские идеи большим тиражом на самую демократическую аудиторию.

Меня потому и выловили, после передачи «Тема», что во мне была идеологическая начинка. Это непонятно и непривычно в нашей стране; до сих пор подползает интеллигентного вида люди и спрашивают: «Вы действительно феминистка или вам за это на телевидении платят?» Элаккое совковое пещерное представление, что убеждения — не форма осознания себя в мире, а способ заработка.

Феминистки до ток-шоу «Я сама» были слишком далеки от народа. Помню, когда передача только началась, женщина в магазине назвала меня «мифисткой». Она не могла вербализовать образ. Прошел год, и первокурсник на улице кричал, толкая своего друга: «Смотри, вот феминистка пошла!» Без всякой мании величия я считаю, что эти два года потратила не даром: страна выучила слово «феминизм».

Передача снимается блоками: пять передач за три дня. Остальные двадцать семь дней живу не менее насыщенной жизнью, а на эти три дня ощущаю себя уехавшей в командировку. Снято более ста передач, и ток-шоу «Я сама» превратилось в сериал, в некое культурное явление. На улице или в машине телезритель вступает в дискуссию о какой-нибудь героине прошлого года. Ты ее уже плохо помнишь, а он все находится в диалоге, все хочет докричаться до своего. В провинции «Я саму» часто пишут на кассету и заставляют до дыр. Передача занимает и врача, и книгу, и журнал, и задушевную беседу.

По представлениям среднерифметической аудитории, я — «писалог или юрист», на улице от меня начинают требовать консультации про жену-лентяйку, любовника-мерзавца, тещу-волонтеристку, мужа-паразита и подростка-обормота. Когда я пытаюсь всучить человеку телефон кризисного центра, он вопит: «Нет, вы обязаны, раз вы там сидите».

Я сижу рядом с героиней и, в зависимости от ее темперамента, то взлетаю, то умираю, а реакцию выражать могу в строго отведенное время в строго отведенном месте передачи. Каким-то мистическим образом телевидение само генерирует все душевные всплески и собирает в фокус; к концу передачи студия как одна энергетическая воронка, закручивающаяся в центре и втягивающая всех нас в вращающийся омут. Это чувствуем не только мы, на некоторых героинях «врубается» аппаратура. То есть при большой аудитории играется психодрама без психодраматиста, сама по себе, куда крикливо вылезет.

Я, конечно, кайфую. Но всякая там «духовная миссия интеллигента» и прочие старомодности, в которых формировались люди моего круга, заставляют извлекать из шоу общественно полезное моральное. Я достаточно занималась психоанализом, да, собственно, моя профессия в том и состоит, чтобы знать, для чего и какое персонаже говорится слово, где висит «ружье» — когда оно выстрелит и в кого. Как кубик Рубика. Сидишь, слушаешь, крутишь кубик. Передача еще не закончилась, а у тебя уже одна сторона красная, другая зеленая.

К съемкам невозможно и нет смысла готовиться заранее. Даже если редактор предварительно рассказывает тему, он рассказывает только собственную версию.

На ток-шоу «Я сама» работает очень сильная команда. Группа редакторов отбирает героинь, примерно одну из пяти желающих. Критерии отбора: интересная история, телегенность, психическая устойчивость. В сложных случаях психолог уговаривает дам для ст. мю изменить фамилию и внешность, пользуясь париком, гримом.

Юля Меньшова класно ведет передачу. Сначала она раскручивает, размораживает аудиторию. Это, к сожалению, не остается на экране. Я увидела много шоу-менов в работе

и скажу, что Школа-студия МХАТ, которую Юля закончила, она и на ток-шоу Школа-студия МХАТ. Это профессионализм, это собранность, это выдержка, это культура.

Часто включаешь телевизор, видишь телеперсону уцененную или новорожденную и думаешь: как же это тебя угораздило попасть на экран без всяких к тому врожденных и приобретенных навыков, типичный ведущий передачи — засэжий барин или кукла, а кукловод бегает вокруг, дергает за нитки и орет прямо при зрителе.

В ток-шоу «Я сама» Юля Меньшова совмещает работу ведущей с работой руководителя проекта. От нее зависит и внутренняя архитектура передачи, и внешняя, и как работают камеры, и как распределить время между участниками, и последние героини, и не войдет ли в студию в самый ответственный момент кошка, и какие капризы у спонсоров, и сколько метров пленки попадет в брак и т.д. Короче, все на ней. Мы с Ольгой участвуем вставными номерами и несем ответственность только за них.

В любой аудитории попадают эмоциональные террористы. Как-то среди мужчин оказался чернокожий красавец с бриллиантовой серьгой в ухе, по имени Диди Нана. Он закончил ВГИК и, когда шел на передачу, полагал, что, если хорошо покажется, будет приглашен на главные роли всеми известными режиссерами. Супертемпераментный малый, только что колесом не ходил. И практически на каждой передаче есть свой Диди Нана. И от Юли требуется большое мужество держать его в рамках жанра.

Недавно она стала заместителем директора канала. Понятно, что меньше времени остается на нашу передачу. Но, с другой стороны, образ умной, образованной, собранной красавицы, созданный Юлей, уже в обращении. Девочки подражают ей, в парикмахерских просят подстричь «под Меньшову». Найдена Юлей грань социальной успешности превращает ее из «секс-символа» в «бизнесумен-символ», что совершеннейшая новость для нашего общества. У нас ведь традиционно считалось, что высоко взобравшаяся по социальной лестнице либо не хороша собой, либо не удачлива в любви. Заглатывая ток-шоу «Я сама», с Меньшовой в главной роли, среднерифметическая девочка постепенно усваивает новые ценности, открывая для себя западный путь энергичной женщины, осознающей себя на планете через собственную деятельность, а не только через «кухню, детей и церковь».

Свою роль в передаче вижу в разрушении мифов. Мы живем в переходный период, когда реальность меняется быстрее, чем готово адаптировать ее наше сознание. Например, женщина говорит: «Я живу за спиной мужа... Настоящий мужик это тот, который обеспечивает семью...» А фактура рассказа свидетельствует, что деньги зарабатывает сама, решения принимает сама, за семью отвечает сама, да и спит-то с ним раз в год по обещанию. Почему это называется «за спиной у мужа»? Потому, что мама и бабушка ей объяснили, что «за спиной у мужа» — это символ женской успешности. Вот она и мучается всю жизнь, не понимая, почему несчастна, и не умея сказать самой себе правду.

Или бесконечное: «Вы, мужчины, — все развратные! Мы, женщины, — все порядочные!» Вопрос: с кем тогда развратные мужчины изменяют порядочным женщинам? Друг с другом или к ним инопланетянки прилетают? Или: «Мы, мужики, деньги зарабатываем, а вы, бабы, их только тратите!» Берешь статистику и видишь, что за исключением финансовых магнатов, конвертированных советские чины в капиталы, вся возрастная группа от тридцати до пятидесяти держится на бабьих зарплатах. При этом несутся стоны про женскую безработицу. Выясняется, что бабы быстрее, чем мужчины, получают пособие по уходу за ребенком, а как на нее крутишься, дело женское. Люблю говорить, что вся наша молодость ушла на экономические эксперименты — «как из одного первого приготовить два вторых».

Ничто так не мифологизировано в сегодняшнем дне, как отношения мужчины и женщины. И я пытаюсь отличить «тму низких истин» от «насы возвышающего обмана». Понятно, что это раздражает. Подходит народ с текстом: «Я против вас лич-

Популярность Марии Арбатовой честно заработана ею на передаче «Я сама». Но далеко не все телезрители знают, что она еще и автор четырнадцати пьес, поставленных в СНГ, Англии, Германии, Америке, и двух книг. В издательстве «ALMA MATER» в ближайшие месяцы выходит сборник ее прозы «Меня зовут женщина». Лауреат Международного конкурса радиодраматургии, Боннского театрального биеннале, американского конкурса драматургии «Новые голоса из России», обладатель Золотой медали Кембриджского библиографического центра «За вклад в культуру XX века». Активная деятельница феминистского движения, Мария Арбатова принимала участие в разработке документов для разделов «Права женщин», «Права детей», «Молодежная политика», «Социальная защита инвалидов» в предвыборной программе Б.Н. Ельцина «Человек. Семья. Общество. Государство». В настоящее время координатор клуба «Женщин, вмешивающихся в политику». Впрочем, сегодня она все о себе расскажет сама.

но ничего не имею. Но после передачи у нас с женой скандал, я бы такую передачу запретил!»

То есть после передачи баба начинает понимать, что где-то ее сильно накололи. В каждой семье, как говорят англичане, «свой скелет в шкафу», а тут его вроде из шкафа достают. «Как вам не стыдно, вы всех призываете развестись!» Да, если брак может рухнуть под натиском телепередачи, стоит ли его сохранять?

В массовом сознании я «подружка-советчица», это единственная упаковка, в которой страна сегодня готова принимать советы из области прав человека. Успех передачи во многом определен тем, что женщина традиционно считалась у нас человеком второго сорта, «второго пола», ее проблемы считались делом второстепенным, кухонным и не годным для звучания в общественном контексте. Уже само по себе проговаривание этого скандала того, что всю жизнь было только «на ушко друг другу», — революция сознания. Как написано на знаменах западных феминисток: «Личное — это государственное».

То, что декларируют я, интересно только сегодня и только в России, для цивилизованных стран это прошлогодний снег. В 1884 году в Лондоне поехал первый поезд метро, в Швеции закон, запрещающий мужьям бить жен, был издан, когда в России — только-только отменено крепостное право. То, что в отношении мужчин и женщины выдвигается за русское традиционное благолепие, уходит корнями в варварство «домостроя», а я не отношусь к людям, гордящимся варварством собственной страны.

В головадом возрасте заблеваю полиомиелитом, судьба вытаскивает меня за шиворот из лона семьи и до пяти лет мотает по санаториям — отделяюсь только хромой. В четном классе отправляюсь в специнтернат, такой «угула» для больных детей, но в шестом классе изгоняют оттуда за «аморальное поведение». Попадала на две тяжелейшие операции, одна из которых кончается сепсисом, но меня успевают спасти. После школы, каждый раз в совершенно случайных, но вполне криминальных обстоятельствах, оказываюсь то с разбитым, сломанным лицом, то зверски изнасилованной, то несколько раз чуть не убитой, но в результате каждый раз остаюсь жива и счастлива. Потом «отвязываюсь» по полной программе, живу среди московских хиппи и наркоманов, богемы, диссидентов, фарцовщиков и не получаю в этом кругу ни одной царапины.

Работая в глухой застой в Литературном музее, Институте социологических исследований и Союзе писателей. Круг мой, один книжки читаем, но интегрироваться не могу. Все стучат друг на друга, молодые писательницы выбегают из кабинетов секретарей Союза, застигивая планка оказалась столь опущенной, что до сих пор критерии смещены.

Наиболее профессиональным и технологически оснащенным, безусловно, являлся Эдвард Радзинский. Но за ним не было судьбы, он был гениальный стилизатор. С колоссальным потенциалом новой правды пришла Людмила Петрушевская. Помню, я училась в Литературном институте, взяла у машинисток ВТО пьесу «Три девушки в голубом», села читать в актерском ресторане, и когда закрывала последнюю страницу, у меня по физиономии хлестали слезы, смешанные с косметикой. Подбежали актеры из-за соседнего столика, заорали: «Что вы читаете? Покажите титильный лист, мы сейчас же это будем репетировать!» Я ре-

ла как белуга, потому что это было про меня, притом что, в отличие от героини пьесы, у меня и муж был золотой, и мама помогла, и жизнь обещала много. Это была правда об унижении советской бабы, до Петрушевской в сторону такой правды никто и головы повернуть не смел. Но это была литература, а не театральная драматургия, это было для чтения глазами.

За Петрушевской пришла Людмила Разумовская, великолепный мастер, ее триллер «Дорога Елена Сергеевна» стал самым кассовым в России и в Европе. А в перестройку его голоса стихли. Страна получила литературное поколение, адекватное работавшее в условиях застенков, но потерявшее себя на свободе.

Собственно, я и в Литературном институте училась, чтобы общество не считало меня домохозяйкой, пьесы я бы и так писала, а мастерства, образования, профессиональных связей это учреждение не давало. Я писала в стол, как все мои приятельницы сверстницы, и никаких планов не строила. Поработав в Союзе писателей, знала, как стержется всякая шелочка для проникновения на сцену подобным текстом.

Меня начали ставить полные студии. Это была нелегальная романтика, кончавшаяся одинаково — скандалами и увольнениями людей с работы. Захотели ставить серьезные театры — цензура откровенно отвечала «неверморю». И вдруг попадаю на социальном потенциале новой правды пришла Людмила Петрушевская. Помню, я училась в Литературном институте, взяла у машинисток ВТО пьесу «Три девушки в голубом», села читать в актерском ресторане, и когда закрывала последнюю страницу, у меня по физиономии хлестали слезы, смешанные с косметикой. Подбежали актеры из-за соседнего столика, заорали: «Что вы читаете? Покажите титильный лист, мы сейчас же это будем репетировать!» Я ре-

петировать, это, кроме таланта, и определенного темперамента, еще и технологичность. Стихи и прозу читатель может отложить и взять снова, но если в течение двух минут драматургического текста дашь зрительно расслабиться и подумать о своем, ты проиграл, он уже посмотрел на часы и вышел из зала. Понятно, что таких задач Литературный институт не ставил. В российской драматургии вообще, после того как посадили Эрлмана, профессиональная планка оказалась столь опущенной, что до сих пор критерии смещены.

Наиболее профессиональным и технологически оснащенным, безусловно, являлся Эдвард Радзинский. Но за ним не было судьбы, он был гениальный стилизатор. С колоссальным потенциалом новой правды пришла Людмила Петрушевская. Помню, я училась в Литературном институте, взяла у машинисток ВТО пьесу «Три девушки в голубом», села читать в актерском ресторане, и когда закрывала последнюю страницу, у меня по физиономии хлестали слезы, смешанные с косметикой. Подбежали актеры из-за соседнего столика, заорали: «Что вы читаете? Покажите титильный лист, мы сейчас же это будем репетировать!» Я ре-

петировать, это, кроме таланта, и определенного темперамента, еще и технологичность. Стихи и прозу читатель может отложить и взять снова, но если в течение двух минут драматургического текста дашь зрительно расслабиться и подумать о своем, ты проиграл, он уже посмотрел на часы и вышел из зала. Понятно, что таких задач Литературный институт не ставил. В российской драматургии вообще, после того как посадили Эрлмана, профессиональная планка оказалась столь опущенной, что до сих пор критерии смещены.

Анатолий ЖМУЛЮКИН

песа разнузданной Арбатовой про аборт цензурой пропущена не будет. Он добился, чтобы со мной заключили договор по творческой завке. Я написала пьесу, и ее поставили десять театров. Раз в месяц я ходила в сберкассе и получала огромные, по тем временам, деньги. Спектакли шли где-то на Урале и в Сибири, половина в закрытых городах, их не видела. Деньги были такой виртуальной реальностью, что каждый раз казалось, будто это ошибка, что придут и отнимут.

Постепенно привыкла, вступила в Союз писателей, заинтересовала западных продюсеров; со мной, несмотря на мою нелюбовь к двойному стандарту и любовь это озвучивать, стали считаться министерства, журналы, семинары. Растила детей, писала, ставилась, выходила на поклон на премьерах. Понимала, что все наладилось, и теперь, если ничего в мире не изменится, — я когда-нибудь умру под перделкинкой осной стандартным русским классиком.

И тут экономикой затрясло, театры разорились, бросились в комсомол собрали весь художественный молодежь в особнячке на Герцена и сказал: «Шевтите!» Мы, как Пятачки, начали там что-то читать, рисовать, репетировать. Нас за месяц переписали, изучили и в один прекрасный день дверь закрыли. Помню, сидим на лавочке возле закрытой двери и новые планы строим. Тут в профком драматургов приходит Слесневцев и говорит, мол, создаем молодежное объединение, буду ставить молодых. Мы туда, объединение создали, министерство денег дало, а он ставит восьмидесятилетнего председателя профкома и двух его семидесятилетних заместителей. И снова война, и снова мы на лавочке.

Тут Михаил Шатров и Марк Захаров получают от министерства деньги и малую сцену для выведения молодой драматургии и молодой режиссуры из подполья. Мы туда, конкурс, литературная часть, все дела. Моя пьеса попадает в первую тройку постановок. Сначала отнимают помещения: в этом зале Герцен с Огаревым вальс танцевали, здесь нельзя репетировать; в этом зале Ленком сложил декорации; а это помещение вам очень подходит, оно, правда, не отапливается, но очень милое. Зима, актеры в шубах, драматурги в ожидании, режиссеры в истерике.

Понятно, что через несколько полных экспериментов к сотрудничеству со старшими товарищами не тянуло.

Я потружилась в работу женского клуба психической реабилитации «Гармония», была его президентом. Мы создали его с компанией подруг в 1991 году, откачали кучу дам. Это не было способом заработка, структура клуба изначально не предполагала ни копейки, заработной платы. За пять лет сменился контингент, восстановились и «раскрутились» девочки нашего круга, а на смену им пришли скачущие потребительницы. Конечно, их тоже жалко, но отдавать им время и силы уже не хочется. Я считаю, что человека, который ведет себя в 97-м году, как в 91-м, уже ничему не научить. Мы распустили этот клуб.

После президентских выборов все были очень политизированы, и мы с подружками открыли «Клуб женщин, вмешивающихся в политику», координатором которого я и сейчас являюсь. Было много планов, но непонятно, какие задачи выдержит наше объединение, внутри любого клуба работает спрут. Пока это закрытый элитный клуб, заседающий в изысканной московской галереи «Вместе».

Я все время хожу около политики. Во время выборов оказалась в группе экспертов, разрабатывавших документы для программы Бориса Ельцина «Человек. Семья. Общество. Государство». Статьи, которыми я занималась: «Права женщины» и «Права детей», приведены к нормам международных правовых конвенций. Конечно, я не могу этим не гордиться.

Получала предложения выступить и в депутатском жанре. Понятно, что зарится не на меня, а на телемоду. Но, увы, провела два часа в Думе, я прихожу в себя неделю. Очень плохо демократию, но когда передо мной открывается перспектива четыре года сидеть в бок с «этими» людьми, мне становится плохо. Воздаю должное мужеству Галины Старовойтовой, Ирины Хакмады, Оксаны Дмитриевой, Татьяны Ярыгиной и Елены Мизулиной, предпочитающая оставаться бойцом невидимого фронта.

Отступать мне все равно некуда. Кто-то говорил, что в России сегодня столкнулись три поколения: у первых была цель жизни, у вторых — дело жизни, у третьих — стиль жизни. По возрасту и прочим признакам я отношусь ко вторым.

Видимо, я общественник
Пионерская карьера у меня не складывалась, галстук поговаривали на Красной площади, а потом класс награду ташили в мавзолей. Как все дети, я боялась покойников, а тут волокут в темноте и духоте по какому-то лестничку, чтобы пооблокавиться тем, что должно лежать в земле. Помню, что почти свалилась там в обморок от ужаса и отвращения, и мне дали пинка, чтобы не задерживала движение.

Высшим достижением сотрудничества с коммунистами была моя должность председателя совета отряда. Продержалась я на ней недолго. В библиотеке пионерлагеря был детектив, герой которого отрезал ножницами ресницы, после чего